

ББК 60.543.132.1

В.В. Возилов

**Кризис интеллигентоведения,
или Плюрализм в одной голове**

Статья В.А. Порозова «“Интеллигенция как класс управляющих” или о двух крайностях российского интеллигентоведения», на мой взгляд, не стала украшением последнего номера журнала «Интеллигенция и мир» за 2013 год. Посвященная нелюбимой критике одной из моих статей, она в целом продемонстрировала состояние теоретико-методологической базы отечественного интеллигентоведения и того идейного тупика, в котором оно оказалось в последние десятилетия.

Мне кажется нелогичным оправдываться перед другими исследователями в том, что не понял или неверно истолковал коллега по цеху. Понятно, что восприятие чужого текста формируется уровнем общетеоретической подготовки и методологической осведомленности. Возможно, недопонимание со стороны В.А. Порозова вызвано тем, что его критика моей концепции основывается лишь на статье, посвященной достаточно частному вопросу, без учета позиций, изложенных в моих монографиях¹. К сожалению, книгообмен между представителями интеллигентоведения оставляет желать лучшего, и мы не всегда успеваем следить за творчеством наших авторов.

Конечно, приятно, когда твои работы не остаются без внимания коллег, и если бы не крайне личные выпады В.А. Порозова, его статья могла бы стать базой для большой интеллигентоведческой дискуссии о нынешнем состоянии нашего научного направления. Но, к сожалению, его критический отзыв свидетельствует лишь о глубоком концептуальном упадке, в котором находится теоретико-методологическая сторона отечественного интеллигентоведения. А попытки целого ряда авторов, упоминаемых и критикуемых В.А. Порозовым (например, всеми уважаемого А.В. Квакина), вывести интеллигентоведение на уровень метатеоретического анализа в рамках системно-исторического подхода, остаются неправильно понятыми и ненужными. Наверное, нам, как сто лет назад «бешеной банде веховцев» (по яркому определению известного советского литературоведа), еще долго будет доставаться за авангардизм в интеллигентоведческих подходах. Исследователям проще придерживаться традиционных взглядов и концепций, многократно приводить и комментировать одни и те же цитаты, сказанные много лет назад в иных общественно-политических условиях. И потому еще

---

¹ *Возилов В.В., Назаров Ю.Н.* Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2002. – 362 с.; *Возилов В.В.* Омнизм и нигилизм: Метафизика и историософия интеллигенции России. – Иваново: Издательский дом «Референт», 2005. – 412 с.; *Возилов В.В.* Интеллигенция, государство, революция. – Шуя: Изд-во ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. – 224 с.

более удивительна позиция оппонента, критикующего целостную позицию, не имея своей, детально проработанной с теоретической и методологической сторон.

Тем не менее, статья В.А. Порозова интересна не критикой чужой позиции, а слабостью его собственной, которая, как показывает наша интеллигентоведческая практика, разделяется многими исследователями. В связи с тем, что с вопрос о дефинициях в интеллигентоведении всегда был крайне условным и базировался на неких общих представлениях о том, что из себя представляет человек в «очках и шляпе», это и послужило основой для возникновения главных противоречий, терзающих наших интеллигентоведов.

Итак, В.А. Порозов выделяет в интеллигентоведении две позиции, называемые им социологическим и этико-моральным подходом. И, исходя из названия его статьи, считает эти подходы двумя крайностями, предлагая некий третий, плюралистический подход, объединяющий два им критикуемые.

И здесь возникает первый и главный вопрос: может ли интеллигенция вообще рассматриваться вне рамок социологического подхода. Конечно, нет, ведь любой исследователь, говоря об интеллигенции как о группе людей, автоматически представляет ее как предмет социологического исследования, даже если речь идет об интеллигенции как очень узком собрании высоконравственных личностей (если такие вообще встречаются в природе).

Но на рубеже XIX–XX веков возникло главное противоречие в трактовке интеллигенции. Сторонники народнических концепций (а позже и их критики), взращенные на этическом индивидуализме 1860-х годов, начинают рассматривать интеллигенцию как группу морально ориентированных личностей (в тот момент главным образом радикалов), борющихся за счастье всего человечества, но оторванных от сиюминутных бытовых интересов. Позже этическая установка в трактовке интеллигенции будет смещена в сторону ее морально-аксиологической позиции по отношению к обществу в целом.

Параллельно захватывающий умы классовый подход попытался представить интеллигенцию как социальный класс (либо группу духовных вождей определенного класса) в системе общественного разделения труда. Но позже победившая сталинская концепция исключила интеллигенцию по профессиональным признакам из подобного структурирования, придав ей статус общественной прослойки, приведя отечественное интеллигентоведение в методологический ступор, из которого оно до сих пор не может выйти.

И с огромной долей вероятности можно утверждать, что сегодня мы бы пользовались какой-нибудь западноевропейской концепцией интеллигенции, если бы не методологическая чехарда в понятиях «интеллигенты» и «интеллектуалы», а также то обстоятельство, что исследователи русской интеллигенции на западе использовали теоретическую базу российских неоконсерваторов начала XX века.

Более десяти лет назад вместе с Ю.Н. Назаровым мы попытались на теоретическом и системно-историческом уровне решить данную проблему, найдя качественный критерий интеллигенции. И таким критерием стало слово «управление», а точнее организаторская роль интеллигенции во всех сферах

общественного организма (в экономическом, духовном и политическом производстве). Несколько позже, структурировав интеллигенцию в социальной системе, я предложил определение интеллигенции как «класса управляющих» с детальной разработкой того, какие критерии могут использоваться для более глубокого анализа конкретных интеллигентских групп. Раскрывать эти вопросы в данной статье не имеет смысла, поскольку они отчасти уже были представлены в ряде журнальных публикаций².

Несомненно, что данный подход категорически отрицает этико-психологические и морально-аксиологические подходы. Более того, могу согласиться со словами В.А. Порозова о том, что «во всех странах во все века во властные круги рвались и проникали люди непорядочные, морально нечистоплотные, с уголовным прошлым и методами деятельности...»³ Да, увы, власть в политике, идеологии и экономике такова, что любой политик связан рамками тех условий, в которых он находится, и, не приняв решения применить силу в отдельно взятом случае, он может потерять страну, а приняв радикальное решение – стать Наполеоном. Духовную власть сотрясают обвинения в коррупции и педофилии. В экономике «акулы бизнеса пожирают мелкую рыбешку» и всегда стремятся недоплатить налоги и жить в офшорах. В науке консерваторы и ретрограды выпалывают все новое и прогрессивное, цепляясь за собственные заблуждения.

И вот возникает главный вопрос: как же быть с моралью? Может ли палач быть интеллигентом и что делать с интеллигентом, который в объективно-исторических условиях становится палачом? В.А. Порозов, апеллируя к мнению исследователей, подчеркивающих роль интеллигентов как носителей высоких нравственных качеств, указывает: «Полный разрыв с этой традиций для отечественного интеллигентоведения недопустим. Так мы дойдем до включения в интеллигенцию как “класс управляющих” Гитлера и его приспешников»⁴. Но почему нельзя отказаться от слабой концепции, не имеющей никакого теоретического обоснования, и чем подтверждена истинность этой концепции?

Позиционируя себя «сторонником профессионально-социологического подхода к понятию интеллигенции в противоположность оценочно-этическим трактовкам», В.А. Порозов пишет: «... Нельзя не согласиться с В.В. Возиловым в том, что профессионально-социологический подход был и остается доминирующим в конкретно-исторических исследованиях, что не противоречит формально-логическому рассмотрению проблемы. Но совсем игнорировать оценочно-этический подход к определению интеллигенции нельзя, и его надо непременно учитывать, особенно при персональном анализе деятельности того

---

² Назаров Ю.Н., Возилов В.В. Роль интеллигенции в управлении обществом // *Философия и общество*. 2004. № 1. С. 67-85; Возилов В.В. Интеллигенция и социальные институты // *Интеллигенция и мир*. 2007. № 1. С. 32-43; Возилов В.В. Интеллигенция как предмет социологии политики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 21 (236). Политические науки. Востоковедение. Вып. 11. С. 34-40.

³ Порозов В.А. «Интеллигенция как класс управляющих» или о двух крайностях российского интеллигентоведения // *Интеллигенция и мир*. 2013. № 4. С. 147.

⁴ Там же. С. 148.

или иного человека»⁵. Трактовать эту фразу можно только следующим образом: интеллигенция в целом выявляется по профессионально-социологическим критериям, а отдельные интеллигенты выделяются по каким-то иным, оценочно-этическим категориям, которые нам пока не известны.

И что же лежит в основе этого подхода? Читаем В.А. Порозова: «...Человеку, отнесенному к интеллигенции по тем или иным формальным признакам (пусть даже это будет вхождение во властные структуры), может быть отказано в этом при личностном, индивидуальном рассмотрении, и прежде всего – именно в силу несоответствия с определенным моральным критериям, предъявляемым обществом в целом или исследователем в частности»⁶. Фраза глубокая, субъективно содержательная, не подлежащая логическому анализу, но все же попытаемся ее осмыслить...

Итак, интеллигенция, по В.А. Порозову, складывается из неких формальных признаков (мы их пока не знаем, но предположим, что профессиональных); некоего личностного рассмотрения (не берем в расчет то, что персонификация в историческом процессе вещь совершенно бесконечная); неких определенных моральных критериев (неизвестно кем установленных и каких именно) и неких критериев, предъявляемых обществом в целом (вероятно, в зависимости от того, в какой стране проживает исследователь, например, в мусульманской или христианской) или исследователем в частности (т.е. исследователь в силу собственно недомыслия решает, кому быть интеллигентом, а кому нет). Вот тут-то кто-то из гитлеровских приспешников при слове культура, а следовательно и интеллигенция, и должен был бы схватиться за пистолет.

Примерно так морально-аксиологический подход с необходимостью должен привести в тупик исследователя, пытающегося поместить высоконравственную интеллигенцию в прокрустово ложе социологии. Наука не может систематизировать процесс или предмет по неким дополнительным признакам: например, эти люди – ученые, а некоторые из них, не пойманные программой антиплагиат и блюдущее общечеловеческие ценности, еще и интеллигенты.

Никаких собственных критериев В.А. Порозов не дает, но считает, что его подход может быть использован в системно-математических моделях: «...Сплюсовав численные показатели основных интеллигентских профессий, мы получим конкретно-историческое представление об объеме понятия в профессионально-социологическом плане. При этом людей, не соответствующих высокому званию интеллигента, как бы замещают люди высокой нравственности, не имеющие формальных признаков (высшего образования, членства в организации, депутатского статусу и т.п.)»⁷.

Итак, круг замкнулся: «людей, не соответствующих высокому званию интеллигента» замещают «как бы интеллигенты». Но что делать, если у «как бы интеллигента» вдруг вырвалось идеоматическое выражение, или он скачал фильм, нарушив авторские права другого интеллигента, или закурил в неположенном месте? Вероятно, тогда он с позором изгоняется из

---

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Там же. С. 149.

интеллигенции, а математическая модель В.А. Порозова рушится, ведь нужно интеллигентов считать заново, всех снова пропускать сквозь сито высоких моральных критериев.

При чтении статьи В.А. Порозова вдруг обнаруживается, что существует еще и третий, по его же собственному мнению, несостоятельный, феноменологический подход, трактующий интеллигенцию как сугубо российское явление. Сторонниками этого подхода В.А. Порозов последовательно называет М.И. Туган-Барановского⁸, П.Б. Струве⁹, Л.Д. Троцкого¹⁰ и... В.В. Возилова, причем меня коллега зачисляет в этот ряд только потому, что я назвал интеллигенцию «общественным феноменом». Конечно, приятно оказаться в хорошей кампании, хотя наши взгляды с вышеперечисленными авторами по поводу интеллигенции немного отличаются. И, конечно, никакого феноменологического подхода в интеллигентоведении не существует, хотя, как и любая другая социальная группа, интеллигенция несомненно является общественным феноменом.

Я не стану подробно останавливаться на критических высказываниях В.А. Порозова в адрес теории элит и ее применимости по отношению к интеллигенции, т.к. уже много об этом сказано и написано. Удивляет другое: почему сторонник усредненного подхода столь критичен. Разве его высоконравственные «как бы интеллигенты» не являются моральной элитой общества, разве их предназначение не быть тем кругом избранных, которые должны вести людей за собой к неким идеалам? И разве не может быть представителя такой «элиты» среди учителей и даже среди наших самых отдаленных предков?

---

⁸ М.И. Туган-Барановский указывал, что «под интеллигенцией у нас обычно понимают не вообще представителей умственного труда... а преимущественно людей определенного социального мировоззрения, определенного морального облика»: «Интеллигент – это... человек, восставший на предрассудки и культурные традиции современного общества, ведущий с ними борьбу во имя идеала всеобщего равенства и счастья. Интеллигент – отщепенец и революционер, враг рутин и застоя, искатель новой правды». Далее он отмечал, что «если такое социально-этическое понимание данного термина незаметно сливается в общественном сознании с совершенно иным социально-экономическим его пониманием (интеллигенция как группа представителей умственного труда), то это указывает, что в России “мыслящий пролетариат” или хотя бы руководящие, наиболее влиятельные его представители в большей или меньшей степени характеризуются вышеуказанными моральными чертами». Согласно Туган-Барановскому, есть два понимания интеллигенции – социально-этическое (люди определенного социального мировоззрения и нравственного облика) и социально-экономическое (представители умственного труда), которые признают в русском человеке взаимодействие и совпадение умственных и нравственных устремлений (*Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 430-431.*)

⁹ П.Б. Струве попытался отделить интеллигенцию от образованного класса, под которым понимал ту часть общества, чья историческая роль обусловлена «культурной функцией просвещения» (то есть духовенство и дворянство). Интеллигенция, по его мнению, в отличие от образованного класса, всегда была отчуждена от государства и враждебна ему; эта политическая сила своей идейной формой имела отщепенчество, выступавшее в виде анархизма и революционного радикализма (*Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России. С. 138-139.*)

¹⁰ Л.Д. Троцкий в статье «Интеллигенция и социализм» (1910 г.) рассматривал интеллигенцию как класс умственных работников, чьей сферой деятельности является культура (развитие техники, науки, искусства), что объясняет «духовный» характер ее работы. К интеллигентам он относил врачей, адвокатов, писателей, художников, скульпторов, артистов, директоров заводов и фабрик, инженеров, несущих административные обязанности. По мнению Троцкого, материальные интересы и социальные связи сближают интеллигенцию с буржуазией, тем самым отдаляя ее от пролетариата и социализма (*Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 346, 348, 351-353.*)

По мнению В.А. Порозова, «интеллигенция представляет собой чрезвычайно сложное явление, и все попытки свести дело к какому-то одному критерию, какой-то одной, пусть очень важной характеристике, заведомо обречены на неудачу»¹¹. Поэтому он утверждает, что управленческая функция – не самая важная, а например, одна из важнейших – хранение и передача нравственных норм, созидание и распространение общечеловеческих духовных ценностей. Однако формулирование таких ценностей в изменяющемся мире всегда вызывает сложности. Более того, следование некоторым общечеловеческим ценностям претит некоторым отрядам интеллигенции (например, военной интеллигенции, которая вынуждена убивать других людей ради свободы и независимости собственного народа). Но в целом деятельность по хранению и передаче неких духовных ценностей не противоречит и управленческой функции интеллигенции (которая охватывает не только непосредственной управление людьми, но и опосредствованное управление образами общественного сознания).

Приводит В.А. Порозов и еще одну функцию интеллигенции. По его мнению, и учитель сельской глубинки, и политик, стоящий у руля государства, призваны обеспечивать интеллектуальное и нравственное воспроизводство народа, страны человечества. Вот так, не больше и не меньше. То есть культуртрегерское и биологическое предназначение интеллигенции становятся вполне понятными и определенными. Хотя, на наш взгляд, более понятной была бы другая миссия интеллигенции: духовно-нравственная. Познание интеллигенции как субъекта исторического процесса предполагает анализ интеллигенции как особой социальной группы, целенаправленно вырабатывающей духовно-идеологические образы, и специальное рассмотрение основных мировоззренческих идей и учений, создаваемых общественными деятелями, а также их преломление в практической общественно-политической деятельности.

По В.А. Порозову, сама специфика управленческой деятельности делает управленца антиподом интеллигента, ведь любая власть – это насилие, дело лишь в формах и методах достижения поставленных целей¹². Это, пожалуй, самый сильный вывод в статье уважаемого коллеги, который ставит крест на интеллигенции как социальном феномене вообще. В такой трактовке интеллигенции мы сразу же должны распрощаться с отрядом государственно-политической и военной интеллигенции (т.к. они явные выразители насилия и принуждения), интеллигенцией экономического предприятия (угнетателями и эксплуататорами), и даже духовной интеллигенцией (они подавляют свободу воли, независимость личности). И кто же у остается у В.А. Порозова: некая высоконравственная персона, чья деятельность направлена на интеллектуальное и нравственное воспроизводство народа, страны и человечества, некий категорический антагонист власти и т.п. Хотелось бы

---

¹¹ Порозов В.А. Указ. соч. С. 152.

¹² Там же.

посмотреть хотя бы на один конкретный пример такого «подлинного интеллигента».

Итак, попытка предложить некий «усредненный», «плюралистический» подход лишь уводит отечественное интеллигентоведение от понимания сущности интеллигенции, ее роли в жизни общества, ее структуры и исполняемых функций. Подмена понятий, а точнее отсутствие общепризнанного, теоретически верного понятия интеллигенции позволяет манипулировать этим термином и его определяющей частью. А это приводит российских интеллигентоведов к топтанию на месте, что и является ярким выражением кризиса интеллигентоведения в целом. Теоретико-методологический арсенал большинства отечественных исследователей интеллигенции составляет набор упрощенных формулировок начала XX века, а также либеральных моделей и компилятивных заимствований новомодных западных теорий. Этот небогатый теоретический багаж и вводит в ступор многих наших интеллигентоведов, почему-то жестко не приемлющих методов системного анализа.

Движение вперед в науке всегда требует отказа от устоявшихся стереотипов. Но не путем создания теоретических несуржиц, встречающихся в работах многих отечественных интеллигентоведов, стремящихся создавать «плюралистические» подходы. Попытки избежать крайностей, т.е. жестких теоретических позиций, нежелание находить решения назревших вопросов является тупиковой позицией. Чем дольше эти исследователи будут оставаться под гнетом устаревших парадигм, тем дольше наше интеллигентоведение будет находиться в плену псевдонаучных концепций.

В своих задачах интеллигентоведческие исследования должны соединять теорию и практику, проведение комплексного изучения предмета исследования, преодоление имеющихся противоречий. В науке об интеллигенции назрела необходимость глубокого теоретического анализа сущности интеллигенции и ее общественного предназначения, который был бы в наибольшей степени свободен от субъективных оценок.